

Мargarита
Южина

ЛЮБОВЬ
под развесистой
КЛЮКВОЙ

Маргарита Южина
Любовь под
развесистой клюквой
Серия «Ирония любви»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=183308

Южина М. Любовь под развесистой клюквой: Эксмо; Москва; 2009

ISBN 978-5-699-36983-6

Аннотация

За долгие годы счастливого брака Антонина почти забыла о том, что она женщина. Скорее уж эдакий многофункциональный агрегат для зарабатывания денег, приготовления еды, стирки, глажки, мытья посуды и далее по списку. Ведь пока драгоценный муженек пялится в телевизор, нужно успеть обиходить и ублажить свое сокровище, а заодно позаботиться о подрастающей дочке. Но тут на пути ее появился он – прекрасный незнакомец, чья семейная лодка тоже разбилась о рифы быта. Вот и встретились два одиночества. Только вот как угадать, что это – настоящая любовь или очередная ветка развесистой клюквы, кислые ягоды которой давным-давно уже набили у Антонины оскомину.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	33
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Маргарита Южина

Любовь под развесистой клюквой

Глава 1

У вас товар, у нас купец...

– Мужчина! Ну вы посмотрите, какие у вас руки! Куда вы ими мой лифчик лапаете?! И трусы не трожьте! Говорю же вам – руки свои вымойте, а потом уж и лезьте! Прямо ничего не смыслят... Граждане! А вот белье! Качественное! Дешевое! Почти Франция! Почти даром! Сколько ж можно прикрываться фиговыми листками?! Тонь, слышь чего, у тебя как с торговлей-то? У меня совсем плохо! Не хочет народ одеваться и все тут! – негодовала остроносая худенькая продащица, перекладывая с место на место залежалый китайский товар.

Рядом, возле лотка с бытовой химией, скучала женщина с толстой косой и огромными печальными глазами. Похоже, от своего бизнеса она и вовсе ничего утешительного не ждала, потому что только обреченно махнула рукой:

– Народ зарплату не получил. Одеваться ему не на что, и

стирать нечем, и даже на мыло не хватает... Женщина! Вам нужен порошок? Предлагаю «Снежинку», самый дорогой, но того стоит, все пятна сразу слезут! Сама пробовала! Даже пуговицы отъело! Нет? Вам только хозяйственное мыло? Ну, Марин, что я тебе говорила – только на мыло и хватает. Сейчас эта дамочка за угол завернет, веревку купит, и все... Мужчина! Эй! Я вам говорю! Куда вы к носкам? Ко мне идите! Мужчина! Вам срочно нужно купить упаковочку порошка! Посмотрите, на кого вы похожи! Вас же стирать и стирать! Ох-ох-ох, кругом иностранцев полно, а наши мужчины ходят необстиранные! Ну стыдно ж, честное слово! Вот-вот, купите... жена вам только спасибо скажет... И я бы еще посоветовала... Да какая вам разница – что это! Принесете домой, жена будет счастлива!

– Ой, Тонь, ну есть же у кого-то такие мужики, которые заради улыбки милой жены даже твои порошки... Мужчина! А порауйте свою жену настоящей Францией! Посмотрите – плавочки, ну чистое эстетство! Или вот лифчик! Сплошной Кустодиев! А-а, у вас жена других размеров, как тринадцатилетний мальчик, и лифчики не носит... А вы все равно возьмите, пусть хоть ватки... Тонь, ну ты посмотри! Что у него за фифа такая? Ведь поди ни кожи ни рожи! Даже лифчик надеть не на что, а он! И где только бабы таких мужиков находят, а?

– Не знаю, – тихо улыбнулась Тоня. – Мы с моим Геннадием познакомились в автобусе. Представляешь, вместе еха-

ли с...

– Помню, ты рассказывала, – отмахнулась Марина. – Я про твоего не спрашиваю, мне интересно, где настоящего мужика взять? Чтобы заботился, чтобы подарки там всякие, радости маленькие... Я и от больших, конечно, не отказываюсь, но так ведь никаких нет! Ни радостей, ни мужиков!

– Да, я тебя понимаю, – тяжело вздохнула Тоня. – Вам, незамужним, так нелегко...

И она для приличия вздохнула еще разок. Однако сухонькая Марина поддерживать ее не собиралась.

– Это, между прочим, спорный вопрос – кому труднее, – возразила она. – Вот ты замужем, и чего? Много тебя твой Генаша жалеет? Да ни фиги! Работает сутки через трое, приносит в дом какое-то пособие, потому как это ж зарплатой не назовешь! А остальное время только скачет стрекозлом, а ты тут надрываешься! И еще кормишь – и его, и матушку его, и себя, несчастную!

– С чего это я несчастная?! – возмутилась Тоня. – Да мне... Я работаю в свое удовольствие! Все время с людьми, на свежем воздухе, опять же дома с порошками никаких проблем! А у Генаша...

– Так вот и пускай бы твой Генаша тоже на свежем воздухе зимой сопли поморозил! Чего ж он трое суток делает?

– Он... Он не может! – выгнулась коромыслом обиженная подруга. – Ты прекрасно знаешь: они с Лалой отстаивают честь города! Они танцуют! И Генаша... Он уже скоро вый-

дет на первое место!

– И чего? – прищурилась вредная Марина. – Принесет домой еще один железный стакан... прости, кубок!

– Он! Он... реализуется! – выкрикнула Тоня и отвернулась к своему товару.

– Ой, Тонька, – миролюбиво вздохнула Марина. – Наивная ты до безобразия. «Он с Лалой, он с Лалой»! С какой к черту Лалой, когда ее зовут обыкновенной Клавкой? И, между прочим, Клавка эта тоже на твоей шее неплохо устроилась! А ты только глаза к небу задираешь и ждешь, когда они реализуются! Прямо, как...

Договорить она не успела, потому что к лотку подошли две молоденькие девчушки и, стыдливо хихикая, принялись ворошить гору крохотных трусиков. Марина тут же преобразилась – начала сыпать именами известных модельеров, кои к ее товару никакого отношения не имели, и цитатами из глянцевого журналов, то есть всячески влиять на неокрепшие детские умы.

К Тоне никто не подходил, потому у нее было время задуматься над словами подруги.

Конечно, Марина живет одна и от зависти могла наговорить черт-те чего. Но где-то в душе у Тони шевелился противный червячок и попискивал, что Маринка не так уж и не права.

Тоня любила своего мужа. И дочку они вырастили, хотя нет, не вырастили пока, растят. Аришке пятнадцать, учится

в десятом и еще ходит на танцы – отец настоял... А девчонка не больно-то и любит эти пляски и уже не раз пыталась с папашей по этому поводу спорить. У нее возраст такой, что не особо ей родители сейчас требуются. Аришка уверена, что жить умеет, и всякие папенькины-маменькины советы ей до фонаря. Вероятно, именно поэтому, а может, и еще из-за чего муж перестал обращать на дочь внимание, на работу плюнул и, возомнив себя талантливым танцором, вот уже два года убивает свое драгоценное время в ближайшем Доме культуры. Занимается бальными танцами. И партнершу ему – Лалу... Ну да, Клавдию, чего уж там... И ее ему нашла сама Тоня. Случилось как-то заболтаться с бывшей подругой, с которой жили в девчонках по соседству, с Клавкой. Ну и проговорилась Антонина, что ее Геночка бредит бальными танцами, а работа его не вдохновляет. А ведь какой слесарь был – золотые руки! Нет, уперся в эти танцы! Пожаловаться хотела, но неожиданно Клавка поддержала Геннадия.

– Молодец мужик! – сверкнула она глазами. – Сейчас ведь самое время осуществлять любые мечты! Вот у нас соседка – так она всю жизнь мечтала на мотоцикле научиться ездить, а у нее не получалось: то денег не было, то времени. А теперь, не поверишь, рассекает по городу, только шуба заворачивается! Родня кричит, а она счастлива!

– А чего родня кричит? – не поняла Тоня.

– Так потому что соседке-то восемьдесят семь стукнуло!

У нее ж сил нет за мотоцикл держаться. Ну родственники и бояться: а ну как старушка скорость врубит на полную, да сдует бабушку, сама ж понимаешь. А у тебя муж в танцы кинулся! Это ж... Это ж такое счастье! И ты не должна ему мешать!

Тоня задумалась, потом представила, что ее Генаша выскочит на сцену лет эдак в девяносто, и согласилась – лучше сейчас, когда ему всего-то сорок три, пусть уж наскочет-ся, напрыгается. А потом, в старости, будет преспокойно работать каким-нибудь сторожем или выращивать на продажу огурцы.

И тут Клавдия, вытянувшись стрункой и поправив на себе вязанную кофточку, вдруг сказала:

– Ты знаешь, Архипова, я даже помогу твоему несчастному мужу себя найти! Я... я буду заниматься вместе с ним!

– Ты? – вытаращилась на подругу Тоня. – Да зачем же? Я и сама могу. К чему еще тебе напрягаться?

– Нет, – грустно вздохнула Клава. – Понимаю, несладко мне будет. Но не отправлять же тебя, в самом деле! Ты меня, конечно, извини, но... Куда тебе в бальные танцы? Ты на весы-то встаешь? И потом, с твоими ногами... ты хочешь загубить в своем муже прекрасное? Нет, я поняла – ты мечтаешь сделать из него посмешище!

– Да что ты говоришь?! – задохнулась Тоня. – Я только... чтоб тебя не тревожить! У тебя ж и свои дела имеются, и семья, наверное...

– Конечно, – мотнула головой Клавочка. – У меня и дела, и семья, правда, не полная, всего только я одна, но... я вижу, что твоего Геннадия надо спасать. Срочно! И ты ему в этом случае не помощница!

Тоня горько вздохнула – Клавдия права. И вес у Тони... Лет десять назад она была как тростиночка. И вдруг – откуда что взялось! Сколько раз Тоня пыталась сесть на диету. Но профессиональный диетолог ей был не по карману, и где его возьмешь в их городе! Да и с работой ее опять же, когда все время на рынке, где и поесть-то толком не удастся, как диеты эти соблюдать! Тоня столько книжек накупила про всякие похудания и голодания, и что там написано? «Хорошо сжигает жир ананас, и если его употреблять хотя бы раз в сутки...» Ни фиги себе! Это сколько ж надо Тоне порошка продать, чтобы ежедневно лопать ананасы?! «Возьмите плоды лайма...» Где? Где Тоне взять эти плоды? У них на рынке торгуют только помидорами, да и то сами китайцы, которые их выращивают, отчего-то упрямо не хотят собственный товар есть! А дома вечером – борщ, картошка жареная, котлетка... Потому что надо же кормить не только себя, но и Генашу. А пока ему сварить, на себя, драгоценную, времени не остается. И про ноги Клавдия верно сказала – у Тони уже давненько серьезный варикоз. Надо бы идти на операцию, да она все откладывает. Потому что боится страшно. Но в этом году уже решилась – даже стала копить деньги на хорошую клинику. И вот уже через месяц ляжет, нужная сумма почти

собралась...

– Нет, чего ты думаешь-то? – всплеснула руками Клавдия. – Не понимаю! У нее муж погибает, а она! Ты что – ревнуешь, что ли?! Ко мне?! Ты же знаешь, как я отношусь к мужчинам! Да они же мне все – фи! Я их ну просто в упор не вижу, презираю! Ты же помнишь – я с детства их не переваривала!

Тоня помнила – Клавдия действительно не переносила мужское население. Однако это не помешало ей четыре раза выскочить замуж и развестись.

Тем не менее Тоня решилась. Ее подруга детства стала бессменной партнершей Геннадия по танцам и, к слову сказать, переродилась из обычной Клавки в Лалу. Они с Генашей так решили, потому что это гораздо привлекательнее будет глядеться с афиш.

– Тонь, ну, чего заскучала? – вывела ее из раздумья Марина. – Может, уже сворачиваться? Чего-то населения совсем нет...

Тоня покачала головой:

– Куда торопиться, давай постоим еще. Сейчас народ с работы домой пойдет.

Марина нехотя согласилась. Нет, она бы и одна могла собраться, но как-то было принято, что на своей машинешке Марина везет и себя, и Тоню до дома, поэтому...

– Па-а-а-ап, купи вон тот шлем, а? Мне так надо! Ну вот

так надо, что у меня даже прыщики по животу пошли!

Возле соседнего лотка, где Толька Губарев – препротивный, прыщастый мужичонка – торговал детскими игрушками, канючил мальчишка лет пяти, просительно заглядывая в глаза высокому мужчине.

– Па, ну как я завтра без шлема в садик-то пойду? – не переставал ныть пацаненок. Но, заметив, что отец не поддается, вздохнул и выдал самое сокровенное: – И Дианка на меня смотреть не будет, потому что какой же я байкер без шлема!

– А ты байкер? – удивленно вздернул брови отец.

– Ну да... – шмыгнул носом малыш. – У нас все мальчишки в группе байкеры. Мы из палок себе такие мотоциклы сделали, потом еще ключик, чтоб вставлять, и потом заводим и – ын-ын-ыннн!!!

Для наглядности мальчишка заверещал в полный голос и понесся по рынку, показывая, как они в садике управляются с таким зверем, как мотоцикл.

– Понятно, – усмехнулся отец. – Ну что ж, давай покупать...

И полез в карман за бумажником.

У Тони даже лицо перекосилось. И куда папаша смотрит?! Неужели не видно, что у Тольки за товар?! Денег стоит бешеных, а качество! Краска слезает еще на прилавке, только возьмешь в руки – что-нибудь да отлетит, вонь невозможная! Тоня рядом с Толькой день проработает, потом целый вечер таблетки пьет... Ведь и штрафовали Губарева, и запрещали

торговать, и арестом грозили, а ему хоть бы хны! Отплатится и снова здесь. А в шлеме-то этом дитя и задохнуться может!

– Нет бы в Роев ручей съездить... – громко проворчала Тоня, покосившись на отца мальчишки.

– А что такое Роев ручей? – повернулся к ней тот.

– Ой, да не слушайте вы ее, – защебетал Губарев, толкая в руки мальчишке ядовито-алый шлем с черной блестящей полосой. – Бери, парень! Первый мужик будешь!

– Если доживешь, – снова пробурчала Тоня.

– Погодите-ка, – отдернул мальчишку от шлема мужчина и обратился к Тоне:

– А почему нельзя эту игрушку взять?

– Я хочу шлее-е-ем! – с новой силой завопил мальчонка.

– Ну и зря, – наклонилась к нему Тоня. – Ты понюхай, как он пахнет... Нет, не нюхай, пусть лучше твой папа... Мужчина, для детей товар надо покупать качественный. И сертификат смотреть.

– М-да? – задумался папаша и уже открыл рот, чтобы еще что-то у Тони спросить, но тут заголосил Губарев:

– Да что вы ее слушаете?! Посмотрите, чем она сама-то торгует! У меня такое качество, что... Да у меня весь город игрушки берет!! Тонька, стерва! Убью! Мужчина, покупайте. Баба – дура! Чего с нее возьмешь. Мальчик... мальчик!

Но Тоня уже наклонилась к мальчонке и, закатывая глаза, мечтательно говорила:

– Вот поедешь с папой в Роев ручей. А там жирафы! Зна-

ешь, какие большие – шеи до второго этажа! И обезьянки! Если им зеркальце кинешь, они так забавно прихорашивать-ся начинают! И на себя налюбоваться не могут. А еще медведь белый есть. Его зовут Седов!

Мальчишка слушал Тоню, раскрыв рот, а та была прямо по больному:

– Вот придешь потом в свой садик, как фотографии покажешь, твоя Дианка шагу тебе ступить не даст!

Это решило все. Мальчишка стремительно обернулся к отцу и тихо, но решительно заявил:

– Па, не нужен мне этот вонючий шлем...

– Не, это чего ж вонючий?! – возмутился было Губарев, но его уже не слушали.

– Не покупай мне здесь ничего, – сурово насупил бровки малыш. – Поехали к обезьянам!

– Нет, парень, – вздохнул отец и потрепал мальчишку по голове. – Сегодня у нас времени нет. Завтра маму попросишь, и она с тобой съездит, идет?

Малыш засопел, но больше ныть не стал и, взяв отца за руку, потащил его к выходу.

– Во, Тонь, видала! – окликнула ее Марина. – Еще один любитель легкой жизни. Нет чтобы самому мальчишку свозить, так он сбегит его завтра на мать, а сам...

Договорить она не успела – со своего лотка взревел на весь рынок Губарев.

– Слышь, ты! Архипова! – выверился он на Тоню. – Ты,

блин, мне такой куш сорвала! Ты... Эх, если б не твой братец-мент, я б тебя... Так и знай – еще раз вякнешь, возьму ведро воды и на все твои порошки хлестану!

– Я те хлестану! – взорвалась Марина. Противного Губарева она тоже не любила. – Я сейчас вот твою же хлопушку возьму да шарахну!

И она даже побежала за этой хлопушкой, но Толька быстро ухватил Марину за руку и завизжал почти бабьим голосом.

– Что ж такое-то, а? Никакой индивидуальной трудовой деятельности не дают развернуть! Граждане! Вы погляньте, чего творится! Покупайте игрушки! Помогите отечественному торговому работнику! Недорого! Подходите! Покупайте! Спасите от завистников!

Люди покупать не отваживались. Но останавливались охотно.

– Марин, да ну его, в самом деле... – оттащила от Тольки подругу Тоня. – И вообще – поехали домой, никакой торговли...

Домой Тоня попала не сразу – еще зашла за продуктами и только потом, пыхтя и перекладывая пакеты из одной руки в другую, добралась до квартиры.

Дома никого не было. Оно и понятно – Аришка на своих танцах, Генаша на своих. Да это и хорошо: Тоня успеет ужин приготовить, грязные вещи в машинку побросать и хоть немного прибраться, чтобы не спотыкаться о стаканы да тарелки

на полу, – ох, и до чего ж Генаша любит обедать в гостиной!

К тому времени, когда появилась Аришка, у Тони уже томились в духовке фаршированные перцы, в холодильнике стоял салат из крабовых палочек, а на плите доходил рас-
сольник.

– Ой, как ты вовремя... – залучилась радостью мать. – Беги. Мой руки и за стол.

– Мам! Ты только послушай! – расстроено хныкнула Аришка, швырнув сумку в прихожей. – Эта Лахудра Петровна...

– Ариша, нельзя так, – спокойно поправила дочь Тоня. – Твою учительницу танцев зовут Лаура Петровна, она ж не виновата, что ее так называли.

– Да? А в том, что она меня поедом ест, кто виноват?! – скривилась девчонка. – Значит, я, как дура, на все репетиции! Скачу там, как жеребец, а сегодня выясняется, что меня включили не в семь танцев, как всех, а только в один! И на фига, спрашивается, я там столько надрывалась?!

– Погоди-ка... – нахмурилась Тоня. – Это как же – в один? Мы ж за все семь, нет, за пять танцев заплатили! Точно – за пять, я хорошо помню, у меня и квитанции... Может быть, ты что-то не так поняла?

– Ну как не так-то?! На входе в студию список висит! И там я только в одном танце!

Тоня решительно поднялась и направилась к телефону. Через минуту она уже вежливо говорила в трубку:

– Лаура Петровна, вы что-то просмотрели. Отчего же так вышло? Мы... да-да, это мама Ариши говорит. Мы оплатили пять танцев. А нас взяли только на один... И что? Ариша тогда сможет танцевать? Неизвестно? Хорошо, я завтра буду.

Она прошла на кухню и недоуменно пожала плечами:

– Ничего не понимаю... просит завтра прийти к вам на занятия. Ариша, я тебя сейчас спокойно спрашиваю – ты ничего там не взорвала?

– Мама! – возмущенно вытаращилась Аришка. – Ну когда я взрывала-то?! Это ж в третьем классе было!

– А... а случайно никого не била? Может, тебя кто-нибудь обидел, а ты не заметила и того... довела ребенка до больницы? – осторожно поинтересовалась мать.

– Нет! – гордо тряхнула гривой Аришка. – Я такие мелочи не упускаю. И потом, мне, конечно, иногда хочется треснуть кое-кого, но... я всегда помню, что девушки себя так не ведут. Я, мам, вообще, у нас в студии самая нежная и удивительная!

Мать, вздохнув, с сомнением посмотрела на дочь, но спорить не стала – завтра все выяснится.

Входная дверь отворилась, и в дом влетел Генаша, а следом за ним впорхнула Лала.

– Антоха! – закричал муж с порога. – Быстро корми нас с Лалой! А то мы так сегодня взмокли, что сейчас с голоду помрем. Вот так рухнем и помрем. Правда ж, Лал?

– Нет слова «помрем», Геннадий. Есть слово «скончаем».

ся», – усмехнулась Лала. – Антоха, а чем ты нас будешь кормить?

– Да чем хотите! – засуетилась возле плиты Тоня, которая давно откликалась на «Антоху». Считалось, что это ее муж называет нежно и с любовью. – У меня и рассольник, и перец фаршированный, и салат. Гена, а у нас опять с Аришкой проблемы...

– Неужели замуж собралась? – весело фыркнула Лала. – Ой, не могу! Всем мужей подавай! И эта коробочка туда же!

– Ну что ты говоришь, какое там замуж... – замахала руками Тоня и снова обернулась к мужу. – Гена, у Аришки опять на танцах... ее берут только на один, а мы заплатили...

– Вот что я тебе скажу, Архипова, – сердито прервала ее Лала. – Если не замуж, то другие проблемы ты и сама можешь решить. Тебе ж говорят: мы наскакались – себя не чувствуем, а Геннадия завтра, между прочим, еще на работе надо отметить! А ты ничего не хочешь понимать, со всякими глупостями пристаешь!

– Спасибо, Лалочка... – благодарно улыбнулся Геннадий и спохватился: – Да ты ешь, ешь! Чего ж ты?

Лалочка сморщила маленькую, как у обезьянки, мордашку и вздохнула:

– Что тут есть-то? Рассольник я не люблю, там вареные огурцы. Перцы... На ночь? Фи! А салат... Архипова, чего ты там накромсала? Ну я так и думала – опять бурду из «Сельской кулинарии»! И когда ты научишься изыскам?

– В самом деле? – осерчал и супруг. – Из-за тебя никогда в богему не вылезешь!

Антонина захлопала глазами и попыталась оправдаться:

– Генаша, но ты же любишь рассольник... и перцы. И Аришка меня просила их приготовить.

– Аришка! Вот откармливаешь ее, как утку рождественскую, а потом воешь, что у нее ничего с танцами не клеится! – строго проговорил глава семейства. – Куда в вас лезет-то? Вон у самой уже килограммы складывать некуда – во все стороны прут, и дочь туда же! Поросята какие-то, честное слово! Посмотрите на Лалу! Картинка, а не женщина! С такой всякий мужик за счастье сочтет...

– Спасибо, Геннадий. Не стоит... – скромно потупилась партнерша по танцам и смиренно опустила глазки.

За дочь Тоня обиделась. Она с мужем сегодня же поговорит, что нельзя на девочку так при посторонних. Только эти самые «посторонние» пусть сначала домой отправятся. Отношения выяснять надо один на один.

Аришка сидела тут же и, сопя, доедала салат.

– Ешь, Ариша, и иди, тебе еще уроки делать... – негромко напомнила мать, но отец услышал.

– Вот! – вскочил он из-за стола. – Кормишь ее на убой, а потом девку ни на один танец не берут!

– На один меня как раз и берут! А на остальные... не из-за веса вовсе! – не выдержала Аришка. – Лахудра злится из-за того, что за мной ее сын ухлестывает, понятно?! Васька! А

она не хочет, чтобы он со мной дружил, потому что за Васькой Нинка бегает, у которой отец владелец стоянки. Нинка Лахудре дорогую косметику таскает и другие подарки! А я ничего не таскаю. Потому что мой папочка всего-навсего слесарь!

Геннадий громко поперхнулся, потом вытянул шею и дернул кадыком:

– Так... я вижу, Архипова, ты уже провела с дочерью воспитательную беседу, да? – громко задышал он. – Похоже, моя основная профессия здесь кого-то не устраивает? Конечно! Был бы я полегкомысленнее, я бы плюнул на вас и ушел... Да хоть бы к Лале. Но я должен, обязан тащить этот непосильный семейный груз до совершеннолетия! Боже! Какая тяжесть!

– Чего уж... – растерялась Антонина. – Ну не тащи, тебе ж ведь восемнадцать-то когда еще стукнуло, чего ты?

– Мам! Это он про мои восемнадцать говорит! – фыркнула Аришка. – Потому что не хочет алименты платить.

– А ты откуда знаешь? – удивленно уставился на нее Геннадий, потом опомнился и заверещал: – Немедленно в постель! Она еще отцу будет зубы показывать! Соплюха!

Аришка удалилась, гордо вздернув голову и считая себя героиней дня, а на Тоню набросилась Лала.

– Ну ты, Архипова, молоде-е-ец! Ты чего ж из девки вырастила, а? На родного отца кидается! А ведь он...

– Ах, Лалочка, не стоит, – скорбно взглянул на нее Ген-

надий. – Разве здесь кто-то что-то понимает? Но я еще свое слово скажу! Я...

– Скажи, Геночка, – умоляюще прижала к груди руки Тоня. – Сходи к этой Лахудре... тьфу ты, к Лауре Петровне, поговори с ней, а? Ну ведь нам же не надо, чтобы Аришка на профессиональную сцену вышла, нам только так, для общего развития. Мы платим регулярно, чего она девку поедом ест? Сходи, выясни, ты ж отец.

– Вот потому и не пойду! – отодвинув тарелку в сторону, буркнул Геннадий. – Еще не хватало мне в ваших бабских разборках участвовать. Пусть наша коровушка больше работает, тогда и в танцы брать будут.

Антонина хотела было напомнить, что папенька тоже не больно изработался, но решила зайти с другой стороны.

– Гена, а у тебя когда получка на работе, я все забываю спросить, – невинно поинтересовалась она, споласкивая вымытые тарелки.

За ее спиной повисло молчание.

– Ген, когда зарплата? – повернулась она к мужу.

Тот быстро переглянулся с Лалой, и оба смущенно опустили глаза.

– Понимаешь... – заблеял наконец благоверный. – У меня уже была получка.

– Да что ты! – обрадовалась Тоня, но, как выяснилось, зря.

– Да... но... мы ведь с Лалочкой на город вышли, ты ж знаешь... – продолжал тянуть Геннадий.

– Знаю, дальше-то чего? – уже нервно торопила его Тоня.

– Ну чего, чего! – не выдержал он. – А в чем мы выступать будем, ты думала?!

Тоня на мгновение опешила.

– Погоди-ка... – наморщив лоб, припомнила она. – А как же, конечно, думала. Мы на танцевальный костюм всю твою последнюю получку отложили, да я еще своих деньжат добавила! Этого мало, что ли?!

Муж уставился куда-то в угол кухни и протяжно застонал:

– У-у-у-у! Сил больше нет, ничего не понимает!

Лалочка гладила Генашу по руке и смотрела на Тоню, как на врага нации.

– Гена, не волнуйся, успокойся... выпей молочка... – бубнила она ему. – Просто возьми и расскажи, куда ты потратил эти деньги, ты же мужчина, к тому же – сам заработал...

– Да! – встряхнул Геннадий жидкими волосенками. – Сам! И говорю! Мы потратили мою получку на костюм для Лалы! Ты же не думаешь, что я на городской конкурс поеду без напарницы!

– Нет, конечно, но... Лала, а чего ты сама себе не купила? – растерянно уставилась на подругу Тоня.

– Здра-а-а-ассьте! А откуда у меня такие деньги?! Нет, главное, я тут ее мужа в передовики вывожу, а она мне на костюм пожалела! Не ожидала! Да кому это надо-то?! Мне, что ли?

Лалочка так возмутилась, что на ее щеках выступил

неровный багровый румянец, а худенькая ножка стала сама собой выкидывать какие-то замысловатые па.

– Да, Архипова, – одарил супругу суровым взглядом Геннадий. – Ведешь ты себя... Впору со стыда за тебя сгореть!

Тоня хотела сказать, что приобретение костюмов – дело, разумеется, нужное, однако и кушать чего-то тоже требуется.

– Гена! Послушай... – попыталась объяснить она.

– Понимаю, – тут же прервал ее супруг. – Ты хочешь предложить нам свои деньги, это тебя извиняет.

– Какие это свои? – насторожилась Тоня.

– Ой, ну я тебя умоляю, – замяукала Лала. – А то мы не знаем, что ты себе на операцию откладываешь!

– Так ведь на операцию же! – чуть не со слезами воскликнула Тоня.

– Ну и зачем? – устало спросил Геннадий, видимо, они с Лалой и в самом деле сегодня поплясали изрядно. – Зачем откладывать, если в любой больнице с твоим варикозом и без денег расправятся?

– А я... я боюсь! – уже всхлипывала Тоня. – Если платно лечиться, то и отношение совсем другое, и в больнице долго держать не станут.

– Хорошо попросишь, в обычной, бесплатной, никто силком не оставит, – дернула губкой Лала. – Кстати, я специально узнавала – в краевой больнице такие операции делают! И ни копейки не берут! Только анализов куча!

– Да боюсь я!

– Нет, она боится! – всплеснула руками Лала. – А мне теперь что прикажешь – голой выходить?

– Но вы уже взяли Генину зарплату!

– Ой, да что на нее купишь?! – справедливо возмутилась партнерша. – Мне только на туфельки и хватило!

– Ну вот что! – решительно уперла руки в бока Тоня. – Денег не дам! И точка! Мы на эти деньги, между прочим, месяц собирались жить, а тебе только на туфельки! Тогда на платье сама заработай! Или найди спонсора побогаче слесаря!

Гена с Лалой испуганно переглянулись, а Тоня направилась к себе в спальню.

– Правильно ты их, мам! – поддержала мать Аришка, забравшись к ней на кровать. – Ни фиги себе – она еще будет себе обувь на наши деньги покупать!

– Ладно, Ариша, иди к себе, спи, – чмокнула дочь Тоня и залезла под одеяло.

Эх, если б девчонка знала, что Лалочка уже не первую пару обуви на их деньги берет! И когда Тоня успела с этим смириться?

Всю половину следующего дня у Тони из головы не шел разговор о больнице. И так обидно было. Она ведь у мужа ни копейки не брала! И так одна всю семью тянет, а он! Ему, значит, на костюмы надо, а ей! И ладно бы ему! А то еще и Лалочку одеть теперь требуется! И Лала-то какая бесстыжая! Вынь ей да подай! А Гена... даже слова в защиту жены не

сказал. Вот фигу им, а не деньги!

– Тонь, ты чего такая кислая? – то и дело дергала ее Марина. – Дома что-то стряслось?

– Да ничего... – отмахивалась Тоня.

– А твой опять со своей Клавкой приходил?

– С Лалой... – буркнула Тоня, и вдруг из нее полилось: – Представляешь, он на нее всю зарплату истратил. А мне на больницу...

– Брось хныкать, Тоня, – утешала подругу Марина. – А то ты своего кузнечика не знаешь! Какие у него деньги – стипендия! Я вообще не понимаю, чего ты так за него держишься? Тянешь и себя, и Аринку, и его с этой Клавкой! Да если б ты с ним развелась, в два раза богаче б стала! Тоже мне – сокровище!

– Ну... – шмыгнула носом Тоня. – Сокровище не сокровище, а все же... все же...

– Ага, скажи еще, что отец Аринке! – поддела Марина.

– Да! Отец. И... какой-никакой, а мне муж... – благочестиво кивнула Тоня, а потом неожиданно добавила: – Да и на что нашу хрущевку разменяешь? Только на две комнаты в коммуналке? А так... Гены почти никогда дома не бывает. От добра добра не ищут.

– Настоящая речь любящей супруги, – фыркнула подруга.

Тут к ней подошли покупатели, две толстенные тетушки, и Марина заворковала:

– Прошу обратить ваше внимание! Лифчики! Сплошь ва-

шего размера! Цена просто вирусная – совсем маленькая! Вот этот примерьте, ваш размерчик! Можно прямо на платье...

Тоня вздохнула и снова погрузилась в свои нерадостные мысли.

– Мам! Мам, вот она, эта тетя! – вдруг донеслось до Тони.

– Эта, что ли? – ткнула в нее пальцем незнакомая молодая женщина.

– Точно, мам!

Тоня пригляделась. Мальчонка, который вчера приходил покупать шлем, тащил эту дорого одетую красавицу прямо к ней.

– Оська! Не тяни меня так! – еле успевала перебирать ногами женщина. – Ну Оська же! Некрасиво ведь! А если я сейчас навернусь со всего маху?!

И все же мальчишка с непонятным именем Оська мать притащил.

– Вот, – торжественно показал он на Тоню. – Это она. Спрашивай!

Женщина, которая наконец-то смогла выдохнуть, слегка поправила прическу и спросила:

– Скажите, это вы вчера посоветовали моему сыну съездить в... как его... в Ноев Ковчег?

– В Роев ручей, – поправила ее Тоня.

– Простите, спутала, бывает. Ну, и где он? – быстро за-

моргала женщина. – Далеко?

– Да что вы? – удивилась Тоня. – Сейчас на остановку пройдете...

– У нас машина, – перебила ее мама мальчика и очаровательно улыбнулась. – Как туда проехать?

Тоня принялась рассказывать, но женщина вдруг округлила глаза:

– Так это получается... получается, что мы в два часа не уложимся?

– Наверное, – пожала плечами Тоня. – Но зверей же нельзя смотреть набегом.

– М-да... – задумалась дамочка. – А у меня через полчаса важная встреча... Оська! Знаешь что, давай я с тобой через два часика съезжу. Ты же не хочешь, чтобы мы с тобой возле клеток носились, как страусы!

– Там не клетки, там вольеры... – улыбнулась Тоня, вспомнив славный звериный уголок.

– Тем более! – чему-то обрадовалась женщина. – Я тебя сейчас к бабушке, а через два часика мы к зверям. Как завалимся! Мы им еще и конфет купим или какую-нибудь сосиску в тесте, а? Женщина, а там жирафы едят сосиски?

– Им бы морковки лучше, – почесал нос мальчишка. – Только как же я к бабушке, если она уехала к своей сестре?

– К сестре? – испуганно захлопала ресницами дамочка. – Точно, я забыла. Но мне надо на встречу! Важную!

– А она все равно уехала, – сощурился мальчишка.

– Тогда... тогда я тебя к Лиле! – выдала мать.

– А Лилю ты сегодня сама отпустила. И она понеслась по магазинам. И телефон не взяла, она всегда не берет, чтоб не дозвонились, – парировал сын.

Дамочка задумалась, но тут запиликал ее мобильник, и она, прижав аппарат к уху, отошла в сторону...

– Ну все, уже потеряли, – сообщила она, вернувшись через минуту. А потом вдруг уставилась на Тоню и неожиданно заявила: – Женщина! Побудьте с Оськой, а? Мне совершенно некогда. Всего два часика, а я вам три тысячи дам. Вот, берите прямо сейчас!

Она торопливо сунулась в маленькую сумочку и вытащила деньги.

– Всего два часика! Оська у меня жутко послушный. И умница. Он совершенно не будет капризничать! Оська, если узнаю, что плохо себя вел, – убью! Он – сущий ангел! Я вас очень прошу!

Тоня не успела ответить, а «умница» уже перебрался к ней за прилавок и ухватился за ее руку.

– Мамочка, – медовым голосом проворковал ребенок, – не волнуйся, беги, куда тебе надо! А я буду тут стоять, как фонтан «Писающий мальчик»! И никуда!

– А вот «писающий» не надо... – торопливо проговорила Тоня, с трудом соображая что к чему.

– Оська! Я тебе покажу фонтан! Туалет... тетя тебя проводит туда. Женщина, вот три тысячи, а я бегу! – Дамочка

сунула Тоне деньги и уже на ходу добавила: – Я быстро! Через часик я или сама за ним зайду, или муж!

– Да! Но если вас не будет через час, я отведу мальчика в милицию! – вдогонку ей успела крикнуть Тоня.

Мальчишка повернул ее к себе и по-взрослому протянул руку:

– Осип. А вас как?

– А меня? – растерянно переспросила Тоня. – А меня Тоня... тетя Тоня. Осип, думаешь, мама и в самом деле через часик забежит?

– Не-а, – легкомысленно замотал головой мальчишка. – Она всегда, когда говорит «на часик», приходит домой только ночью. Ну, она ж молоденькая еще, не нагулялась.

– А-а... – кисло протянула Тоня. – Так она гулять...

– Да вы не переживайте, я сейчас папе позвоню, он за мной придет, и мы с ним в Роев ручей, – обнадежил ее Осип и из модных штанин выудил навороченный телефон.

Пока паренек разговаривал с отцом, Марина решила высказать свое мнение.

– Ну ты, мать, совсем сдурела! Своих забот не хватает? – кивнула она на мальчишку.

– Пусть постоит, у меня все равно сегодня покупателей хоть со свечкой ищи!

Маринка осуждающе покачала головой:

– Смотри, хлебнешь ты с ним. Эти богатенькие отпрыски...

А через десять минут на Оську смотрела не только Тоня, но и весь рынок – парень развернул активную деятельность. Он носился по дорожке возле Тониной палатки, подбегал к прохожим и прыгал в середину здоровенной лужи. После чего радостно вопил на все торговые ряды:

– Господин! Вы прямо как свин какой-то! Стирать же надо! Срочно бегите к той палатке, там самые дешевые порошки! Порошок! Отбеливатель! По ценам производителя! Поддержите отечественного продавца! Тетенька, ну поддержите же! Не хотите, да... Ой! Тетенька! Я ж вам говорил – надо порошок купить. Вы вся в грязи! Фу! А еще женщина!

Одни ворчали, другие откровенно ругались, а третьи хвалили маленького торговца. Очень скоро возле Тониной палатки образовалась очередь.

– Марин! Пригляди за мальчонкой, – едва успевая обслуживать покупателей, попросила Тоня.

Та согласилась, и очень скоро уже возле ее лотка раздавался звонкий мальчишеский голосок:

– Дяденька! Приобретите своей жене такие вот штуки! Да нет, это не шапочки, я уже мерил! Купите, а то что же вы – домой и без подарка? Тетенька! Сделайте себе приятное – вам такой купальник очень подойдет! Ну купите, что ж вы, как дурак, с пустыми руками?

Шустрый «менеджер» голосил не переставая до тех пор, пока возле него не появился уже знакомый Тоне вчерашний мужчина.

– Здравствуйте... – чуть растерянно кивнул он Тоне. – Мне Оська позвонил, сказал, что мать его оставила на вас. Так я его забираю.

– Все! Теть Тонь, – сиял рядом мальчишка, – за мной папа. Мы с ним прямо сейчас в Роев ручей!

– Вот и славно, езжайте, – улыбнулась Тоня.

Мальчик и мужчина направились к выходу. Пока их было видно, Тоня все смотрела, как Оська задирает голову и что-то восторженно говорил отцу, а тот серьезно ему отвечал. Скоро они скрылись в толпе. Тоня с облегчением выдохнула – как бы ни был хорош малыш, а все же лучше, когда он с родителями.

– Ну чего, отдала? – обернулась Марина. – Какой парнишка оборотистый, тебе бы у него поучиться. А отец-то умница. Не то что мать – бросила на первую попавшуюся тетку и удрала... Такие отцы редкость. Сейчас все больше...

Подруга вовремя прикусила язычок. Но Тоня, конечно, поняла, про кого та хотела напомнить. И так больно вдруг сделалось Тоне за Аришку: ведь и в самом деле, никогда Гена о дочери не пекся. И не водил ее никуда, и не интересовался ничем, даже о танцах этих, куда она ходит только по настоянию батюшки, и то не спрашивает.

– Зато у моей дочери нормальная мать! – запоздало заявила Тоня и тут же стала набирать номер Аришки. – Аришенька, доченька, ты как?

Аришенька, видимо, была чем-то слишком занята, пото-

му что отвечала быстро и отрывисто.

– Я не поняла, что ты сейчас делаешь, доченька?

– Мама! У доски отвечаю! Меня сейчас выставят из класса! – рявкнула Аришка.

– И правильно сделают! – быстренько повоспитывала дочурку матушка и спросила: – Тебе сегодня чего купить? Может, арбузика?

– Арбузика. Или дыньку. И не забудь – тебе надо к Лахудре, – бормотнула девчонка и отключилась.

Тоня посмотрела на деньги, оставленные за доброго парнишку Оську, и радостно вздохнула – сегодня она не будет экономить. Купит продуктов и еще, пожалуй, этой Лахудре возьмет коробочку дорогих конфет, чтоб к дочери не придиралась.

– Мариш! Ты посмотри за моим прилавком, я минут на десять убегу, а? – попросила она подругу и, когда та кивнула, быстро понеслась на другой конец рынка, где торговали продуктами.

Опомнилась Тоня, когда ее руки уже отваливались под тяжестью пакетов.

– Вот идиотство... – проворчала она. – Опять, как верблюд, нагрузилась, а мне ведь на танцы идти...

Заявляться с такими баулами пред очи Лауры Петровны ей совсем не улыбалось, но, решив, что пакеты можно оставить и в гардеробе, Тоня ободрилась и прибавила шагу.

Глава 2

Добрыми делами вымощена дорога в... РОВД

– Ну где ты болтаешься? – зашипела Марина, едва заведя подружку. – Тебя тут уже эта ждет... кукушка!

– Кукушка? – не поняла Тоня.

Объяснить Марина ничего не успела.

– А-а, вот вы где... – подошла к Тоне дамочка, которая час назад оставила на ее попечение мальчишку. – А где Оська?

Дамочка была не одна, рядом с ней возвышался худой, как шест, мужчина, который то и дело кашлял в кулак.

– Так... за ним ваш муж пришел... – изумленно вытаращилась Тоня. – Вы же сами мне сказали, что за ребенком придете либо вы, либо муж. Ну, он и пришел.

– Какой муж? – гневно прищурилась молодая дама. – Какой муж к вам еще пришел, если мой муж вот он!

И она ткнула пальцем в худого мужчину. Тот согласно закашлялся.

Тоню будто облили кипятком – получается, что она отдала ребенка неизвестно кому!

– Что вы пугаете продавца? – неожиданно пришла на помощь Марина. – Откуда ей было знать всех ваших мужей! А Осип сам позвонил мужу... отцу! Это же отец! Мальчик

его так и называл – папа!

– Ах папа! Папа... Да! Но он не муж! – взвизгнула дамочка. – Мы с ним в разводе, и я не давала ему ребенка! Это похищение! А вы! Вы – соучастница!

Дамочка за какую-то секунду превратилась в злобную фурию. Волосы ее мотались на ветру. Губы кривились от выкриков. А глаза горели гневом.

– Мишель! Срочно звони в милицию! – рванула она своего спутника за ворот пиджака. – Чего ты еле шевелишься?! Надо срочно задержать эту шайку!

– Но, любимая... – тянул Мишель. – Может, проще позвонить Осипу? Мальчик расскажет, где он сейчас находится.

– Что тебе расскажет мальчик?! – дико заверещала трепетная мамаша. – Он сообщит, что они с отцом в этом зоопарке?! В клетке с обезьянами?! А для чего я тебя притащила?! В зверинец должен был ехать ты! Чтобы заслужить Оськины доверие и любовь! Звони, говорю, в милицию! Чтoб ему, папаше недоделанному! И эту пусть загребут! А то ей доверили ребенка. А она первому встречному!

– Да какой же первый?! – повысила голос и Тоня. – Он вчера с Осипом был здесь. Толька! Скажи ты этой сумасшедшей, что он вчера к нам приходил!

Губарев Толька не подвел.

– Чего вы, барышня, надрыгаетесь? – басом затарахтел он. – Был вчера этот мужик. Хороший такой мужик, денежный. Купить шлем хотел. А она вот, Архипова, помешала!

Да вы ее забрать хотите? В милицию? Забирайте!

– В какую еще милицию?! – разозлилась Тоня. – Совсем, что ли?!

– Нет, сама, главное, ребенка бросила, а теперь милицию на помощь зовет! – поддержала подругу Марина.

– Да! Зову! – не уставала орать мать славного мальчугана. – А то ишь, придумали! Детей воровать!

Как Тоня ни упиралась, а в милицию съездить пришлось. Этот худосочный Мишель все же вызвал стражей порядка, и всю орущую компанию загребли в воронок.

Правда, позвонив отцу мальчика и разобравшись что к чему, милиционеры никаких дел заводить не стали. И Тоня даже поняла почему – мамаша Оськи так визжала, что парни из РОВД решили как можно быстрее от нее отвязаться.

Тоня вышла из врат милиции, когда на улице уже смеркалось. Она торопливо набрала номер Лахудры – та, к счастью, была еще на месте.

– Лаху... Лаура Петровна... – виновато заканючила в трубку Тоня. – А мы не могли бы с вами встретиться завтра?

– Вы издеваетесь? – строго воскликнула учительница танцев. – У меня завтра выходной! И вообще, я уже битый час жду вас! Мне что, одной теперь домой тащиться?!

Тоня вздохнула и пообещала прибыть сию минуту.

– Интересно, а она думает, что я ее провожать пойду? – сама у себя спросила Тоня и уставилась на свои пакеты. – Тогда будут у меня руки, как у Паганини, длиннющие. Толь-

ко тому простительно – он гений...

Возле нее резко завизжали тормоза, и Тоня вскрикнула от неожиданности. Прямо перед ее носом остановилась огромная черная иномарка, и передняя дверца распахнулась.

– Антонина Игоревна, садитесь, подвезу, – раздался мужской голос.

Тоня взгляделась в водителя и набычилась – за рулем восседал папаша Оськи, из-за которого и произошел весь сыр-бор.

– Спасибо, я пешком, – отвернулась Тоня и удобнее перехватила пакеты.

– Зачем пешком-то? Мне ведь не трудно, я ж вас не на себе потащу. А у вас сумки!

– Не ваше дело!

– Мое, – не согласился мужчина. – Садитесь, там разберемся.

Тоня хотела было еще покапризничать, но всерьез испугалась – а ну как мужчина больше не станет уговаривать, и придется переть эти пакеты самой. И ладно бы сразу домой, а то ведь еще на танцы...

– Меня зовут Глеб, – представился отец Оськи.

– Сергеевич, – добавила Тоня.

– Землянин, – уточнил Глеб Сергеевич.

– Да знаю я, там же протокол писали, – вздохнула Тоня, пытаясь устроить ноги между дыней и арбузом – пакеты она уложила на полу. – Еще фамилию себе выбрали – Землянин!

А мы, можно подумать, инопланетяне какие-то...

– Ну не ворчите, – миролюбиво попросил тот. – Я ж не думал, что так получится. Вас куда?

– На танцы, это в Дом культуры на улице Metallургов.

– Да что вы?! – изумленно присвистнул Глеб Сергеевич. – Вы с такими пакетами еще и плясать собираетесь?

– А это вас не касается, – обиделась пассажирка. – Сказали, что довезете, вот и везите.

– Перестаньте же дуться! Ну что я криминального сделал? Оська позвонил, попросил забрать его. Вы бы разве не приехали? И потом, поверьте мне, Оськина мамочка вовсе не о ребенке беспокоилась, а только о том, чтобы мне гадости наделать.

– Довели женщину!

– Да нет, тут другое... – Глеб Сергеевич уставился на дорогу и задумчиво начал рассказывать: – Я ее совсем девчонкой взял, двадцати не было. Ну а мне уже... На двадцать лет я ее старше.

– И он еще чего-то хотел! – не удержалась Тоня.

– Вы правы. Я наслышан был, конечно, что девчонки на всякие блага денежные падкие, но думал, меня это не коснется. Да и богатым себя не считал. Работал потихоньку. А потом... с Валерией встретился. Это жена моя бывшая.

– Знаю, – кивнула Тоня. – Говорю же, протокол писали, а я подглядывала.

– Так вот, значит, Валерия, м-да... ну, встретился и встре-

тился, а она... Как-то сразу чувствами прониклась... к моему жилищу, к быту. В ней даже какие-то хозяйственные начинания проснулись... во всяком случае, мне так казалось. Все мечтала – куда бы она картину повесила, кровать поставила, где бы вазу напольную пристроила. А я, честно сказать, легкомысленно к этому делу отнесся. Хочет девчонка в семью поиграть, почему бы и нет! И поженились. М-да...

Рассказчик замолчал, а Тоне уже было интересно.

– Ну и дальше-то что? – нетерпеливо спросила она Глеба.

– А что дальше... Девочка сделала мат конем – родила сына. И все.

– Что – все? Сразу же развелись?

– Да нет. Она жила по-прежнему, а я... Я от этого ребеночка просто с ума спятил. Ну как же – сын!

– И понятно, что спятили, возраст-то у вас солидный, – поддакнула Тоня.

– Вот-вот. Я сразу к дому прикипел. А Валерия... у нее только самый расцвет начался. И как-то он не совпал с расцветом моего бизнеса...

– А вы, простите, кем трудитесь? – вежливо прервала его Тоня.

– Я... ммм... строитель, – быстро ответил Глеб Сергеевич.

Тоня окинула взглядом салон крутой иномарки и предположила:

– Наверное, прораб, да? Простому-то строителю на такую машинку век не заработать...

Землянин хмыкнул, не удержавшись, потом сдвинул брови на переносице и постарался пояснить серьезно:

– Честно говоря, простой прораб на нее тоже не быстро заработает. Ну да неважно. В общем... стройка у меня. А тут с рождением Оськи мысли в башке моей как-то перевернулись. Думаю: и зачем столько горбатиться? Нервы, здоровье тратить?

– Точно, мой муж такого же мнения, – вздохнула Тоня. – И не тратит, мне приходится.

– Вы не поняли. Ясное дело – семью кормить надо, я не об этом. У нас есть великолепный дом, роскошный даже, в три этажа. Машины на семью – две, у меня и у Валерии. С курортами никаких проблем. Родителям помогаем, ребенка можем хоть сейчас в Гарвард сунуть, под одежду две комнаты, а зачем больше? Ну и куда их еще, эти деньги? С собой на тот свет? Или будку для собаки из них выстроить – чтобы пачки кирпичиками? Ради чего мне сутками дома не жить, костыми на работе ложиться, сына не видеть? Чтобы жена сто двадцатую пару обуви купила? Ведь счастье-то вот оно – сын! Смотреть, как он ножками дрыгает, как слова первые лепетать начинает, как...

– Погодите, а у вашей жены сто двадцать пар обуви? – тихо охнула Тоня.

– Нет, только тринадцать, – насупился Землянин.

– Практически босая, – ошарашенно кивнула Тоня.

– Ну и... дурак, конечно, сказал об этом Валерии, а она

не одобрила, прямо скажу. А тут еще у меня проблемы начались – администрация сменилась. Пришла новая команда, начались всякие изменения, у кого-то на мой бизнес большое желание возникло, там еще и земельный комитет подключился, а потом и кредиторы встали в позу, в общем... Свернул я все дело и...

– Дом продали? – огорчилась Тоня.

– Ну что вы! До этого не дошло, однако трудные времена наступили, – сказал Глеб. – А Валерия подумала, что я из принципа стройку свернул и решил теперь на диване валяться. И... Впрочем, ее тоже можно понять, девочка молоденькая, хочет всего, сразу, много и без проблем.

– И поэтому она нашла себе новый кошелек, да?

– Ну... может быть, любовь у нее возникла. Короче говоря, мы развелись, – проговорил Глеб Сергеевич. – Оська, конечно, с ней остался, хотя не нужен он ей, только на няньках растет. Мы даже сначала с ней вопрос обсуждали, чтобы сын со мной жил, но потом...

– В ней проснулась мать?

– Да кто там может проснуться?! – заиграл желваками Землянин. – Просто у меня дела пошли в гору, фирмочка оказалась маленькой, но прибыльной. А вот у теперешнего мужа Валерии Осиповны – наоборот. И возомнила она, что это я специально с ней развелся, чтобы миллионы только себе грести. От злобы локти кусать начала, гадости мелкие придумывать, да и крупных не чуралась. Ну и сына решила

не отдавать – чтобы мне больше было. Вот и получается, что в нашей сегодняшней истории не виноваты ни я, ни вы.

– Да уж... – медленно проговорила Тоня. – Это, значит, я по ее веселой прихоти полдня потеряла?

Глеб Сергеевич опять почувствовал себя неуютно.

– Как же мне вас... успокоить? Хотите, я вам денег дам? У меня есть. Или в ресторан вас свожу. Или... черт. Ну что сделать-то?

– А знаете что, – вдруг блеснули глаза у Тони, – сходите со мной сейчас, а?

– Потанцевать, что ли? – вытаращился водитель.

– Нет, – быстро заговорила Тоня, одержимая только что возникшей в ее голове идеей. – Там, знаете, что нужно? Вот у меня дочь, она... она толстенькая, конечно, но ужасно хорошая! И танцует красиво, я сама видела, она мне каждый вечер дома пляшет. А ее в танцы не ставят! И ведь нам не надо на большую сцену! Просто на обычные концерты, ко Дню металлурга, к примеру. Или там на День города. Почему б Аришку не выпустить? Пусть бы пробежалась, потопала!

– Действительно.

– Ну вот! А ее не выпускают! А мы даже деньги заплатили!

– И что мне надо сделать? – недоумевающе уставился на пассажирку Глеб.

– Почти ничего! Прийти сейчас, и... вы с ней только поговорите, с Лахудрой! Ну и знаете, говорите, а сами так глазами подмигивайте, улыбайтесь, вздыхайте! Лахудра – она

женщина одинокая, ей станет приятно, и она... Кстати, ее и можете сводить в ресторан!

– Ну, чего уж я... с лахудрой-то в ресторан? – заартачился Глеб. – Я вас звал.

– Так мне ж некогда, а она... ну, если не в ресторан, тогда хоть так поговорите. Понимаете, она отчего-то всегда к мужчинам благосклоннее относится, нежели к нам, женщинам.

– И почему такая несправедливость? – шутливо вздохнул Глеб. – Ну что ж, схожу. Только объясните, куда.

– Да я с вами пойду! Вы только рядом постоите, да глазами того... постреляете, ну, может, несколько слов скажете, – замахала руками Тоня.

Как она и предполагала, появление достойного мужчины в танцевальном зале привело Лахудру в состояние благосклонности. Учительница танцев немедленно расцвела в милейшей улыбке, отключила поясницу и поплыла навстречу пришедшим.

– Антонина И-и-и-горевна! – точно родной сестре, обрадовалась дама Тоне. – Где ж вы так задержались? А я жду-жду...

При этом на саму Антонину Игоревну учительница даже не смотрела, зато глаз не сводила с неизвестного гостя.

– Пройдемте в кресла! – красиво изогнула руку вороньим крылом Лаура Петровна. – Там мы сможем спокойно побеседовать.

Они уселись, и Лахудра добросовестно изобразила живей-

ший интерес:

– О чем вы хотели поговорить со мной, Антонина Игоревна?

– Об Арише, – с готовностью начала Тоня.

– Да, – вдруг заговорил Землянин. – Мы с Антониной... с Тоней очень волнуемся, отчего нашу девочку не пускают в свет?!

– На концерты! – забывшись, ткнула его в бок Тоня.

– Ну да, и туда тоже, – не теряя важности, кивнул Землянин. – Почему так?

– А... простите, вы не назвались, – мило поиграла морщинками Лаура Петровна. – Вы кто?

– Это так... – отчего-то смутилась и растерялась Тоня. – Это мой любовник, не обращайтесь внимания.

– То есть как это не обращайтесь! – возмутился Глеб, но его даже не услышали.

– Как любовник? – рыбой задышала Лаура. – Вы-ы? Ее-о-о? А что – более утонченного варианта уже нельзя было подыскать?

– А зачем? – весело уставился на нее Глеб. – Я уже понял, что люди, тонкие снаружи, довольно бегемотисты душевно. Иная, смотришь, – куколка! А поговоришь – душевная свинарка, честное слово!

– Что вы такое говорите! – искренне возмутилась учительница танцев. – А я знаю, что внешность – это отражение внутреннего мира!

– Так я ж вам и говорю – очень дохленький мирок-то, – поддержал Землянин. – Тщедушненький. Ни широты тебе, ни размаха, ни дородности.

– Про танцы скажи... – шипела рядом Тоня, но ее благополучно не замечали.

– Да нет же! – яростно сверкала очами на мужчину Лаура. – Я, например, внутренне, ну очень... я самая настоящая... корова! Да! У меня и широта! И...

– ...надои... – задумчиво добавил Глеб. – А сразу и не разглядишь, вы уж простите...

– Ты про танцы! – пинала ногой «любовника» Тоня. – Хватит трепаться!

– Так ведь у вас время не ограничено, – не обращая на Тоню внимания, заворковала Лаура. – Разглядывайте! Мы можем встретиться, и не однократно!

– А танцы-то как?! – взвыла Тоня.

– Да! – очнулся Землянин. – Что с танцами? Почему... что там случилось-то, Тоня?

– Не ставят Аришку в концерты! – чуть не со слезами в голосе воскликнула она.

– Да! Не ставите! Почему? – уперся взглядом в «душевную корову» Глеб.

Лаура серьезно заволновалась – ее новый красивый роман грозил рухнуть не начавшись.

– А кто вам сказал, что я не ставлю? Девочка участвует в... двух, в трех танцах! С чего вы взяли?

– А их сколько? – строго спросил Глеб.

– Всего? Всего... четыре!

– Семь, – гаденько подсказала Тоня.

– Ну вот! Семь! Я так и знал! А девочку зажимают! – лозунгами возопил приличный мужчина.

– Но... но позвольте! – выкручивалась, как могла, несчастная Лаура. – Госпожа Архипова сдала деньги только на три!

– На пять, – снова влезла Тоня.

– Неужели?! – всплеснула руками учительница. – Значит, я просмотрела?! Какая недоработка! Я немедленно все исправлю, и завтра же Арина будет работать с... да черт с ним, с пятью танцами!

– А почему не со всеми? – наседал Землянин.

Тут уж Лаура не выдержала:

– Вы сами-то эту девочку видели? – устало спросила она. – Это ж не девочка, это... это дирижабль!

– Не смейте обижать моего ребенка! – взвизгнула Тоня.

– Правде надо смотреть в лицо! – сурово парировала Лаура Петровна.

– Но вы ж и сама корова, а ведь ничего, танцуете, – наивно заморгал глазами Глеб.

– Я не могу ее на семь, – обиженно поджала губы Лаура. – Остальные два танца мы готовим для администрации края.

– Вот и чудесно! – обрадовался Глеб. – Нашим «отцам» будет приятно видеть, что у нас в городе дети растут здоровыми и упитанными. Разве нет? Ну же... простите, как вас

называть?

– Лаура Пе... Да зовите просто Лаурой, – окончательно растаяла женщина и улыбнулась, играя глазками. – Я что-нибудь придумаю.

– Отлично, – поднялся Глеб.

– А мы вас довезем до дома! – в избытке благодарности воскликнула Тоня. – Правда, Глеб?

– Конечно, дорогая, – кисло улыбнулся тот и, ухватив Тоню за руку, устремился к выходу.

В машине Лаура не умолкала. Сев на переднее сиденье, она то и дело поворачивала к себе зеркало заднего вида и поправляла прическу. Обращалась кокетливая дама исключительно к водителю, напрочь забыв о Тоне. Но та особенно и не расстраивалась, сегодня она замечательно решила основной вопрос – Аришкин. Теперь дочь сможет танцевать не только на репетициях. И Гена порадует.

– Меня завезите, – попросила Тоня. – А потом дальше езжайте.

Глеб засопел, но спорить не стал, и через десять минут машина остановилась возле Тониного подъезда.

– Тоня, я тебя провожу, – выскочил из салона Глеб, хватывая из ее рук пакеты.

– Не надо, я сама... – пыталась сопротивляться та, но он так на нее взглянул, что Тоня примолкла.

– Что значит «не надо»?! – ворчал Глеб Сергеевич, таща по лестнице пакеты с дынями и арбузом. – Мы ж решили –

я любовник! Ну и куда сама с этими мешками?

– Но... она ж сдалась, значит, можно уже и не любовниками, – лопотала Тоня. – И потом, мне кажется, она хотела, чтобы вы за ней ухаживали. А не за мной.

– А я, выходит, такой вертопрах, да? Меняю своих дам, как бумажные салфетки! Замеча-а-ательно!

– Да что вам менять-то? Довезете ее до дома и распрощаетесь.

– А если она мне свидание назначит? – хитро прищурился Землянин.

– Ой, боже мой, не ходите да и все, – весело фыркнула Тоня.

– Не забывайте: если я не пойду, ваша Аришка опять будет плясать только дома.

Тоня растерялась – и в самом деле! Договор с Лахудрой дело ненадежное.

Лукаво усмехнувшись, она уставилась на нового знакомого и развела руками:

– Уж и не знаю, чем вам помочь! Но Ариша должна танцевать, вы ж понимаете: детская психика – святое.

– М-м-м... – нагнув голову, замычал Землянин и, подумав, добавил: – Она будет танцевать! Но вы – моя должница!

– Весь стиральный порошок вам – по цене производителя! – хохотнула Тоня и, открыв дверь, прощально махнула ему рукой.

Дома оказалась только дочь, но Тоня и не ждала, что Гена в кои-то веки отменит репетицию. Конечно, похвастаться сговорчивостью Лауры хотелось страшно.

– Аришка! Быстро хватай у меня пакеты! – весело прокричала Тоня. – Сейчас будем пировать. Что сначала едим: дыню или арбуз?

Аришка была как-то подозрительно насуплена и даже не обрадовалась такому изобилию бахчевых.

– Не хочется чего-то, – вяло пробормотала она. – Слушай, мам, а если я вообще не буду на танцы ходить?

– Да что ты! – испугалась Тоня, но тут же успокоила и дочь, и себя. – Это у тебя такой настрой из-за отношений с Лаурой Петровной. Но, Ариночка! Ты завтра сама увидишь, как она к тебе переменится! Я сегодня с ней говорила. Ой, ты себе не представляешь. Такое было! Давай режь арбуз, я тебе рассказывать буду. Только помой его сначала, он же на полу валялся! Хотя... у него на полу в машине такая чистота...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.